

Ф.Д. ДЖЕЙМС

P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Тайна
Найтингейла

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James
SHROUD FOR A NIGHTINGALE

Перевод с английского *О. А. Янковской*

Компьютерный дизайн *А. И. Орловой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Тайна Найтингейла : [роман] / Ф. Д. Джеймс ; [пер. с англ. О. А. Янковской]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива).

ISBN 978-5-17-091456-2

Загадочные убийства происходят в Доме Найтингейла - учебном заведении в самом центре Англии, где готовят сестер милосердия. Неуловимый преступник жестоко расправляется с девушками, призванными облегчать чужую боль и страдания. Похоже, он пытается доказать: лучшее лекарство от всех болезней — смерть...

Адам Дэлглиш сможет остановить убийцу, только если сумеет проникнуть в тайный мир Дома Найтингейла — мир скандальных страстей, секса, насилия и... стыда.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-091456-2

© P.D. James, 1971
© Перевод. О.А. Янковская, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАГЛЯДНЫЙ УРОК СМЕРТИ

I

В день первого убийства мисс Мюриел Бил, инспектор медицинских училищ от Генерального совета медицинских сестер, проснулась в начале седьмого утра, и медленно, словно продираясь сквозь остатки сна, в ее сознании шевельнулась мысль о том, что сегодня понедельник, двенадцатое января — день инспекции в больнице Джона Карпендара. Она уже отметила про себя первые звуки начинающегося дня: вот шелкнул будильник Анджелы, который та выключила чуть ли не раньше, чем услышала звонок; вот сама Анджела, посапывая, чуть слышно передвигается по квартире, словно неуклюжий и добродушный зверь; вот приятное позвякивание, предвещающее приготовление утреннего чая. Она заставила себя открыть глаза, сопротивляясь предательскому желанию вползти поглубже в обволакивающее тепло постели и позволить себе опять унести в блаженное забытие. И как это ее угораздило сказать главной сестре Тейлор, что она приедет в самом начале десятого, чтобы успеть поприсутствовать на первом занятии учащихся третьего курса? Вовсе не обязательно и даже глупо ехать в такую рань. Больница

находится в Хедерингфилде, на границе между Суссексом и Гемпширом, — это почти пятьдесят миль пути, часть которого придется преодолеть еще затемно. К тому же идет дождь: с унылым упорством он шел всю последнюю неделю. (Она слышала отдаленное шипение автомобильных шин на Кромвел-роуд да редкие удары дождевых брызг по окну.) Еще слава Богу, она потрудилась посмотреть карту Хедерингфилда, чтобы выяснить точное месторасположение больницы. В дождливое утро развивающийся торговый город, особенно незнакомый, может оказаться для автомобилиста настоящим лабиринтом, где уйму времени потеряешь в заторах. Она чувствовала, что предстоит трудный день, и вытянулась под одеялом, как бы собираясь с духом. Разжимая скрюченные пальцы, она испытывала некоторое удовольствие от кратковременной острой боли в расправленных суставах. Начинающийся артрит. Что ж, этого следовало ожидать. В конце концов, ей уже сорок девять. Пора бы и побереечь себя немного. И с чего это она взяла, что сможет добраться до Хедерингфилда не позже половины десятого утра?

Открылась дверь, впустив в комнату луч света из коридора. Мисс Анджела Бэрроуз раздвинула занавески, оглядела черное январское небо и забрызганное дождем окно и опять сдвинула их.

— Дождь идет, — сказала она с мрачным удовлетворением человека, который предсказывал дождь и не виноват, что на его прогноз не обратили внимания. Мисс Бил приподнялась на локте и включила лампу на ночном столике. Через несколько секунд ее подруга вернулась и поставила на стол поднос с чаем. Поднос был покрыт вышитой льняной салфеткой, чашки с цветочным рисунком поставлены так, что их ручки смотрели в одну сторону, четыре печенья на тарелочке с тем же рисунком положены аккуратно, по два каждого сорта, а от чайника исходил тонкий аромат свежезаваренного индийско-

го чая. У обеих женщин было пристрастие к комфорту и привычка к чистоте и порядку. Нормы, введенные ими когда-то в отделении для платных пациентов в клинике, где они преподавали, соответствовали их собственным представлениям о комфорте, так что жизнь в квартире не отличалась от жизни в дорогой частной лечебнице.

Мисс Бил жила в одной квартире со своей подругой с тех самых пор, как они вместе окончили училище, — уже двадцать пять лет. Мисс Анджела Бэрроуз была директором медицинского училища при лондонской клинике. Мисс Бил считала ее образцовой наставницей и во время инспекции подсознательно основывала свои оценки на частых высказываниях подруги о принципах правильного обучения медсестер. Со своей стороны мисс Бэрроуз не могла представить себе, что станется с Генеральным советом медицинских сестер, когда придет время мисс Бил уйти на пенсию. Самые счастливые браки держатся на таких утешительных иллюзиях, и взаимоотношения мисс Бил и мисс Бэрроуз, носившие совершенно иной, хотя и самый невинный характер, строились на том же фундаменте. Но пожалуй, если не считать тайного восхищения друг другом, во всем остальном они были очень разные. Мисс Бэрроуз — крепкая, коренастая, внушительных размеров женщина, скрывала ранимую, чувствительную душу под маской грубого здравого смысла. Маленькая, похожая на птичку мисс Бил отличалась четкостью речи и движений и потугами на старомодную аристократичность, отчего иногда производила довольно комичное впечатление. Даже внутренние ритмы были у них разные. Грузная мисс Бэрроуз просыпалась по первому звонку будильника, не медля принималась за дела и была весьма энергична до вечернего чая, после чего впадала в сонливую апатию. Мисс Бил каждый день с трудом разлепляла веки, буквально заставляя себя производить все необходимые с утра действия, зато чем ближе к вечеру, тем

становилась бодрее и оживленнее. Но даже к этой несовместимости они сумели приспособиться. Мисс Бэрроуз с радостью готовила утренний чай, а мисс Бил мыла посуду после ужина и варила какао перед сном.

Мисс Бэрроуз налила чай в обе чашки, положила в чашку подруги два куска сахара и, взяв свою, села на стул возле окна. Выработанная с юных лет привычка не позволяла ей садиться на кровать.

— Тебе сегодня рано выходить, — сказала она. — Я, пожалуй, приготовлю тебе ванну. Когда там начало?

Мисс Бил еле слышно пробормотала, что пообещала главной сестре приехать часов в девять. Сладкий чай приятно восстанавливал силы. И хотя обещание выехать в такую рань было ошибкой, мисс Бил теперь уже надеялась, что сможет добраться до места к 9.15.

— Это ведь Мэри Тейлор? У нее замечательная репутация для главной сестры провинциальной больницы. Удивительно, что она до сих пор не перебралась в Лондон. Даже не подала заявление на нашу вакансию, когда мисс Монтроуз ушла на пенсию.

В ответ мисс Бил пробормотала нечто невнятное, но так как они уже и раньше обсуждали эту тему, мисс Бэрроуз безошибочно поняла ее возражения: не все, мол, рвутся в Лондон, и вообще люди слишком привыкли считать, что в провинции никогда не появляется ничего выдающегося.

— Это, конечно, верно, — согласилась подруга. — А клиника Джона Карпендара очень удачно расположена. Мне нравится эта местность на границе Гемпшира. Жаль, что ты едешь туда не летом. И все же это совсем не то, что быть главной сестрой в какой-нибудь крупной клинике. С ее способностями она легко добилась бы этого — уже могла бы стать одной из великих Главных сестер.

В студенческие годы они с мисс Бил пострадали от рук одной из великих Главных сестер, но не переставали

сокрушаться по поводу вымирания этой вселяющей ужас породы людей.

— Кстати, тебе лучше выехать пораньше. Дорога будет перегружена уже перед самым Гилдфордским объездом.

Мисс Бил не спрашивала, откуда ей известно, что дорога будет перегружена. Просто мисс Бэрроуз всегда знала такие вещи. Она энергично продолжила:

— На этой неделе я встретила Хилду Ролф, тамошнюю директрису, в Вестминстерской библиотеке. Удивительная женщина! Умница, конечно, и, говорят, первоклассный преподаватель, но, мне кажется, она наводит ужас на учащихся.

Мисс Бэрроуз сама наводила ужас на учащихся, не говоря уж о большинстве ее коллег-преподавателей, но весьма удивилась бы, если б ей об этом сказали.

— Она говорила что-нибудь об инспекции? — спросила мисс Бил.

— Упомянула лишь мельком. Она возвращала книгу и очень торопилась, так что мы говорили недолго. Кажется, у них в училище эпидемия гриппа и половина преподавателей больны.

Мисс Бил показалось странным, что, несмотря на такие трудности с преподавателями, директриса нашла время приехать в Лондон, чтобы поменять библиотечную книгу, но она ничего не сказала. До завтрака мисс Бил предпочитала не говорить, а думать — берегла силы. Мисс Бэрроуз подошла к столу, чтобы налить по второй чашке чаю.

— В такую-то погоду да при отсутствии половины преподавателей тебе, похоже, предстоит довольно скучный день, — сказала она.

Но — как потом вспоминали они в течение многих лет, по привычке пересказывая друг другу давно известные вещи (что является одним из развлечений при длительной совместной жизни), — вряд ли она могла быть более далека от истины. Мисс Бил, которая не ожидала в этот день ничего

неприятного, кроме утомительной дороги за рулем, напряженной работы и возможных споров с теми членами больничного комитета по подготовке медсестер, которые возьмут на себя труд при этом присутствовать, натянула на плечи халат, сунула ноги в тапочки и пошлепала в ванную. Это были ее первые шаги на пути к тому, чтобы стать свидетелем убийства.

II

Несмотря на дождь, дорога оказалась не такой трудной, как опасалась мисс Бил. Ехала она быстро и около девяти часов была в Хедерингфилде, попав как раз к последней волне утреннего часа пик. Широкое шоссе было запружено машинами. Женщины отвозили своих мужей, работающих в Лондоне, на вокзал или детей в школу, фургоны доставляли продукты, автобусы выгружались и загружались новыми пассажирами. У трех светофоров улицу пересекали потоки людей, спасавшихся от мелкого дождя под зонтиками. Юноши, скорее всего ученики частных школ, были в щеголеватых, с иголки, формах; большинство мужчин — в котелках и с портфелями; женщины одеты буднично-небрежно, с типичным для них умением достичь приятного компромисса между городской элегантностью и деревенской простотой. Следя за светофорами, переходящими улицу пешеходами и высматривая указатель поворота к больнице, мисс Бил могла лишь мельком заметить изящную ратушу восемнадцатого века, ряд хорошо сохранившихся домов с деревянными фасадами и великолепный готический шпиль церкви Святой Троицы; но все же у нее создалось впечатление, что вполне преуспевающий город забо-

тится о сохранении архитектурного наследия, хотя ряд современных фирменных магазинов в конце Главной улицы наводил на мысль, что такая забота могла бы начаться лет на тридцать пораньше.

Вот наконец и указатель. Дорога к больнице Джона Карпендара шла от конца Главной улицы между двумя рядами деревьев. Слева была высокая каменная стена, огораживающая территорию больницы.

К работе мисс Бил подготовилась основательно. В ее пухлом портфеле на заднем сиденье машины имелись достаточно подробная справка об истории больницы, а также копии последнего отчета инспектора Генерального совета медицинских сестер и объяснительной записки администрации больницы относительно того, насколько возможно выполнить оптимистические рекомендации инспектора. Как она узнала в результате своих изысканий, у этой больницы долгая история. Она была основана в 1791 году богатым торговцем, который родился в этом городе и бедным юношей отправился на поиски счастья в Лондон, а отойдя от дел, вернулся сюда, чтобы насладиться возможностью покровительствовать городу и поражать воображение соседей. Он мог бы приобрести известность и обеспечить себе спасение души, оказывая помощь вдовам и сиротам или перестроив старую церковь. Но век науки и здравого смысла шел на смену веку религии, стало модным жертвовать капитал на содержание больниц для бедняков. И тогда у Джона Карпендара родилась мысль о строительстве больницы, что и было объявлено на непременно в таких случаях собрании граждан в местном кафе. Первоначального здания, представлявшего некоторый интерес с точки зрения архитектуры, уже давно не существовало: его сменило сначала массивное викторианское строение — монумент показному благочестию, а потом — нечто более функциональное и непривлекательное, характерное для двадцатого века.

Больница всегда процветала. Местная община состояла в основном из преуспевающих представителей среднего класса с хорошо развитым чувством милосердия, для которого явно не хватало объектов приложения. Незадолго до Второй мировой войны было пристроено крыло с хорошо оборудованным отделением для частных пациентов. И до и после введения системы государственного здравоохранения оно привлекало состоятельных пациентов и, следовательно, известных консультантов не только из Лондона, но и из других городов. Анджела может сколько угодно говорить о престиже лондонской клиники, размышляла мисс Бил, но у больницы Джона Карпендара своя репутация. Так что быть главной сестрой районной многопрофильной больницы, которая на хорошем счету у тех, для кого предназначена, расположена в красивом месте и сильна своими местными традициями, совсем неплохо для женщины.

Но вот и главные ворота. Слева от них сторожка привратника — этакий кукольный домик из выложенного мозаикой кирпича, оставшийся от больницы викторианских времен, а справа — стоянка автомашин для врачей. Около трети пронумерованных мест на ней было уже занято «даймлерами» и «роллс-ройсами». Дождь кончился, и рассвет сменился привычной сумрачностью январского дня. Во всех окнах больницы горел свет. Она походила на стоявший на якоре большой ярко освещенный корабль, в котором кипит не видимая снаружи энергичная работа. Слева шли низкие, с окнами во всю стену, строения новой поликлиники. К входу уже вяло тянулись тоненьким ручейком пациенты.

Мисс Бил подъехала к привратничке, опустила окно в машине и назвала себя. Солидный привратник, полный сознания своей важности, соблаговолил выйти и предстать перед ней собственной персоной.

— Вы будете из Генерального совета медицинских сестер, мисс? — произнес он напыщенно. — Очень жаль, что

вы решили въехать в эти ворота. Медучилище находится в Доме Найтингейла — это примерно в ста ярдах от ворот по Винчестер-роуд. Когда нужно попасть в Дом Найтингейла, мы всегда пользуемся задними воротами.

В голосе его слышалась укоризненная покорность, словно он сожалел об ее исключительной бестолковости, из-за которой ему придется проделать лишнюю работу.

— Но я, наверно, могу попасть в училище и с этой стороны?

Мисс Бил не испытывала ни малейшего желания возвращаться в сутолоку Главной улицы, ни намерения кружить вокруг территории больницы в поисках каких-то неведомых задних ворот.

— Пожалуй, можете, мисс. — Тон привратника подразумевал, что только несговорчивые упрямцы могут пойти на такое, и он склонился к дверце машины, точно собирался сообщить сложные секретные инструкции. Инструкции, однако, оказались на удивление простыми. Дом Найтингейла находился на территории больницы, позади новой поликлиники. — Поезжайте налево по этой дороге, никуда не сворачивая, мимо морга, до жилого корпуса медперсонала. Потом поверните направо. Там на развилке указатель. Не пропустите.

На сей раз безапелляционность его утверждения казалась оправданной. Обширная заросшая территория больницы представляла собой смесь традиционного английского парка, лужаек и небольших рощиц, что напонило мисс Бил территорию старой психиатрической больницы. Редко можно встретить больницу общего типа, занимающую такую большую площадь. Здесь пролегалo несколько дорог, но на всех стояли указатели, и лишь одна вела влево от новой поликлиники. Морг узнать было легко: уродливая приземистая постройка, тактично расположенная среди дере-

вьев и казавшаяся еще более зловещей из-за своей уединенности. Новый многоквартирный дом для врачей тоже ни с чем не спутаешь. Мисс Бил успела дать волю своему обычному и часто совершенно неоправданному возмущению по поводу того, что больничная администрация неизменно проявляет бóльшую готовность строить новые дома для своих врачей, нежели обеспечить надлежащим помещением медицинское училище, прежде чем заметила обещанный указатель. Покрашенная белой краской дощечка с надписью «Дом Найтингейла. Медицинское училище» указывала направо.

Мисс Бил переключила скорость и осторожно повернула. Теперь дорога пошла узкая и извилистая, стиснутая с обеих сторон высокими валами мокрой листвы, так что на ней едва хватало места для одной только машины. Кругом была сырость и запустение. Деревья близко подступали к дороге, их ветви переплетались над ней, образуя темный туннель с ребрами из мощных черных сучьев. Время от времени сильный порыв ветра сбрасывал на крышу машины горсть дождевых капель или расплющивал на ветровом стекле опавший лист. На траве вдоль дороги выделялись рубцы цветочных грядок — правильные, похожие на могилы прямоугольники, в которых торчали чахлые кустики. Под деревьями было так темно, что мисс Бил включила подфарники. Дорога светилась перед ней, словно промасленная лента. В открытое окно машины, перебивая всегдашний запах бензина и нагретой искусственной кожи, тянуло сладковато-грибным духом прели. В этой сумеречной тишине мисс Бил почувствовала себя оторванной от всего мира, и вдруг ее охватил безотчетный страх, будто она летит в другом, вневременном измерении, все вперед и вперед, навстречу чему-то ужасному, непонятному и неизбежному. Это безумие длилось не больше секунды, и она быстро стряхнула его, напомнив себе о суетливой оживленности Главной улицы меньше чем в миле отсюда, о близости жизни и

движения. Но все же это было странное ощущение, которое привело ее в замешательство. Рассердившись на себя за то, что поддалась отвратительному наваждению, она закрыла окно машины и нажала на акселератор. Машина рванулась вперед.

Неожиданно мисс Бил обнаружила, что уже миновала последний поворот и Дом Найтингейла прямо перед ней. От удивления она чуть ли не стоя нажала на тормоз. Это был необычный дом: огромное здание красного кирпича в викторианском стиле, причудливо орнаментированное и увенчанное четырьмя огромными башнями. В это пасмурное январское утро во всех окнах горел свет, и после крошечной тьмы дороги дом засверкал перед ней, словно замок из какой-то детской сказки. С правой стороны вплотную к дому примыкала огромная оранжерея, что, подумала мисс Бил, выглядело более подходящим для Кью-Гарденз*, а не для сооружения, явно бывшего когда-то частным особняком. Оранжерея была не так ярко освещена, как дом, но сквозь тускло светящиеся стекла она разглядела глянцевые зеленые листья аспидистры, кроваво-красные пойнсетии и бронзово-желтые шарики хризантем.

Пораженная видом Дома Найтингейла, мисс Бил напрочь забыла о паническом страхе, который на какое-то мгновение охватил ее на дороге под деревьями. Доверяя обычно собственному вкусу, она была все же довольно восприимчива к причудам моды и теперь с беспокойством прикидывала, поймут ли ее знакомые, если она станет восхищаться при них этим домом. Но у нее уже вошло в привычку рассматривать каждое здание с точки зрения его пригодности для медицинского училища — однажды, отдыхая в Париже, она сама ужаснулась, заметив, что забракowała Елисейский дворец как сооружение, не достойное внимания, — а для медицинского училища Дом Найтингейла совершенно не годился. Ей достаточно было лишь взглянуть на него, как в

* Большой ботанический сад в Лондоне. Основан в 1759 г.